В распоряжении редакции сайта появилась интересная сказка. Мы выносим её на сайт полностью
и предлагаем
нашим читателям подумать над вариантом её завершения.

Редакция сайта

СКАЗКА ПОЧТИ ПО ОРУЭЛЛУ

Дорогой Джордж!

Работа над диссертацией привела меня на известную тебе Ферму Животных в ***шире. Точнее, Фонд Рокфеллера предоставил мне стипендию
для изучения
единственной фермы
в мире,
где Животные
не были
подвластны Людям,
но сами
распоряжались своими судьбами.
Я знал
по твоему
рассказу, что, освободившись
от Людского
ига, Животные попали
под новое,
не менее
жестокое иго Свиней
и их
свирепых Псов. Поэтому
я с немалым
страхом приближался
к прочной
ограде
из колючей

проволоки, отделявшей Царство Людей
от Царства
Животных.
На ум
шли страшные истории
о Людях
и Зверях,
сгинувших
в казематах
Фермы.

У ворот меня встретили старый Пёс в форме и симпатичная Свинка. Пёс облаял меня и проверил
документы (приглашение местного университета),
а Свинка
предложила послужить мне гидом
и показать
«подлинную, нетуристскую Ферму».
Я принял
её услуги,
и вскоре
мы помчались
на тройке
гнедых Коней
по широким
проспектам Фермы.
Тем временем
Свинка —
её звали
Линда —
болтала
и рассказывала
мне
о новых
и не столь
уж новых событиях
в Республике
Животных.

Она рассмеялась, когда я шёпотом спросил о свирепых Псах и их несчётных жертвах.
Оказывается, ужасы революционной эпохи давно канули
в Лету

вслед
за Робеспьеровым
террором
или казнями
Ивана Грозного,
и на Ферму
пришли либеральные,
но патриархальные
порядки. Это был тихий сельский уголок, буколический край, так непохожий
на шумные,
Многолюдные
и оснащенные
современной техникой фермы, села
и веси
Страны Людей. Время тут
остановилось —
ни рекламы
кока-колы,
ни призывов
любить машинное масло «Шелл»
на стенах,
ни финансовых
экспресс-новостей
о курсе
акций
на бирже.
Всё у них
было своё,
непривычное —
свои напитки, свои машины, свои лозунги, призывавшие
не покупать,
а работать
лучше. Посетители извне редко бывали здесь, видимо, многие опасались,
что тут
их подкараулят описанные тобой, Джордж, страшные Псы.

Несмотря на лозунги, производительность труда на Ферме была одной из самых низких
в
округе,
но Животные
хорошо
и сытно
ели
и жили

в аккуратных,
хоть
и не роскошных
постройках. Мечта
о полном
равенстве рухнула после революции когда был провозглашён лозунг
*«Все животные
равны,
но некоторые
равнее других»*
.
Все же
подавляющее большинство Животных жило
в состоянии
относительного равенства. Небольшая группа специально выращенных Свиней
именовала себя Номенклатурой
и правила
Фермой,
но даже
их «улучшенные условия жизни»
не так
уж резко отличались
от средних —
побольше жратвы, пошире хлев
и доступ
к принадлежащей
Ферме упряжке Коней были максимумом льгот.

Но Животные были не рады своему благополучию, и правители ворчали громче
подданных. Чем ближе был Скот
к вершине
власти,
тем острее
точило его недовольство.

Мой маленький гид Линда мечтала оказаться в Мире Людей. Она не сомневалась, что

её
ожидает карьера звезды Маппет Шоу, популярной телепрограммы.
И она
была
не одинока
в этой
тяге
к Людям.
В первый же
вечер Линда привела ко мне
в Человеческий
Отель своих друзей, Лис
и Свиней.

Замечу, что иностранец вроде меня обычно встречался только с двумя видами
Животных: с
правящими
Свиньями
и с интеллигентными
Лисами. Рабочие Лошади
и крестьянские
Коровы
не умели
говорить
по-человечески
и не приобрели,
в отличие
от Лис
и Свиней,
человеческих цивилизованных привычек. Друзья Линды вели себя совсем как люди: они
навалились
на виски,
расхватали сигареты
и стали
наперебой рассказывать
о своих
поездках
в Мир
Людей. Своей жизнью
на Ферме
они были недовольны, да
и саму

Ферму презирали. Свиньи сравнивали свои свинарники
с виллами
техасских нефтяных королей, известными
по телесериалам,
и приходили
в отчаяние
от своей
нищеты.

Среди друзей Линды был влиятельный Боров по прозвищу Стинки, которому было
суждено сыграть роковую роль
в судьбе
Фермы. Стинки был директором Спецбань
для особо
влиятельных Свиней,
а значит,
принадлежал
к элите
местного общества.
В его
распоряжении было
всё что только
могла дать ферма неограниченная жратва, послушные самки, отменный
индивидуальный хлев, дача
и возможность
часто посещать Париж
и Лондон
по делам
Фермы.
*«Уж
Вы-то
должны быть довольны»*
, —
сказал
я ему.
*«Нет,
я несчастен*
, —
захрюкал
он —
*в Париже
и Нью
-Йорке
я вынужден*

на всём
экономить
и жить
в служебных
квартирах.
Не для меня
развлечения Лазурного Берега,
не для меня
трудятся ювелиры Картье,
не для меня
маленькие изысканные магазины Фобур Сен Оноре»
.

«Но у вас есть свои курорты, свои ювелиры» — спорил я. *«С вашими им не равняться*, — твердо ответил он. —
Директор моего ранга
в мире
Людей получает, может быть, пять миллионов долларов
в год,
как Якокка.
А мне
дают
на семечки!»

Лисы были недовольны своим уделом. *«Мы вынуждены жить рядом с Лошадьми,* — сказал мне Лис, — мы, с нашим образованием, и эти грубые твари — *мы живём в одинаковых квартирах, и наши дети учатся вместе»* . Еноты гордились тем, что они высоко ценятся на Западе. Один Енот вытащил из кармана и показал мне рекламный проспект шведской меховой компании с текстом: «Нет лучше енота!» *«Вот видите,* — сказал он, — *мы могли бы жить в Беверли Хиллз, а не в несчастных трущобах Фермы, где все нам так чуждо, так немило!* — Он перешёл на полушопот: — *Знаете, моя тетушка уехала в Америку и попала в гардероб самой Нэнси Рейган!»*

Как я узнал потом, Еноты занимали высокое положение в закрытом мире Фермы, где они считались — на основание шведской рекламы — почти что иностранцами и вообще «тонкими штучками». Поэтому Лисы и Свиньи, желая блеснуть нездешним лоском, имитировали Енотов.

«Семьдесят лет назад Отцы-Основатели Фермы порвали все связи с Миром Людей, — сказала Линда, — *и с тех пор мы влачим жалкое существование. А как прекрасна жизнь в Большом Мире! Однажды меня послали на Выставку Свиней в Монреале. Ведь, знаете, мой отец — знатный Боров! Как это было не похоже на нашу серую унылую жизнь! Мы жили в позолоченных хлевах, нас купали в огромных ваннах, как актрис Голливуда, и давали настоящую жареную картошку от МакДоналдса. Люди нас фотографировали, давали нам сласти, медали, подарки»*, — и Линда

показала мне номер «Лайфа», где
под заголовком
«Свиньи
из-за
колючей проволоки» можно было увидеть её фотографию.

*«Когда я вернулась на Ферму, у меня всё отобрали и запретили рассказывать о моей поездке
в Канаду.
Наши боссы
не хотят,
чтобы Животные поняли, КАК
на самом
деле можно жить. Они талдычат
с утра
до ночи,
что Люди
нас съедят, пошлют
на бойню,
рассказывают страшные сказки, которыми впору детей пугать. Конечно, люди ездят верхом
на Конях
и доят
Коров,
но и мы
это делаем. Никто
из нас
не верит
страшным россказням. Да
что там —
посмотрите вокруг! Разве можно так жить,
без кока
-колы,
без пиццы,*

без Диора,
без всего
того,
что прекрасно
в жизни?»

«Так жить нельзя! — хором воскликнули Животные и навалились на мой виски. —

Научите нас, о Человек, как освободиться от Правящих Свиней и присоединиться к Человечеству,
зажить одним Человеческим общежитием!»

Я оказался в трудном положении. Их энтузиазм и стремление к людям заражали и восхищали,
но и удивляли
безудержным оптимизмом.
Я пробурчал
что-то
о свиных
отбивных. Линда глянула
на меня
с презреньем:
«Я могла бы
догадаться

и раньше —
если вас пригласили
на Ферму,
значит, вы обещали поддерживать пропаганду председателя Роттена! Вы
не похожи
на мистера
Джонсона!»

«Кто такой м-р Джонсон?» — спросил я.

«М-р Джонсон — это я», — ответил высокий, светловолосый человек в элегантном сером костюме, который вошёл
в мой
номер,
не постучавшись.
Линда
и другие
представительницы женского пола бросились обнимать его.

«Милый м-р Джонсон! — захрюкали они, — *вы вернулись! Вы не забыли обещанные подарки?»*

«Нет, не забыл! Вот тебе Мальборо, Линда, Вот Кристиан Диор для вас, Стинки, Ив Сен Лоран для тебя, Макс, джинсы для тебя, Роза…»

Так я впервые увидел м-ра Джонсона IV Младшего, наследника огромного Ранчо Джонсонов, которое находилось к западу от Фермы, В то время хозяином Ранчо был отец моего незваного гостя, м-р Джеймисон Джонсон III. Молодой м-р Джонсон регулярно наезжал на Ферму, где он покупал излишки их сельскохозяйственной продукции и привозил взамен предметы роскоши из Мира Людей. Хотя Ферма обеспечивала себя всём необходимым, она не производила предметы роскоши, которые ценят привилегированные классы. Доходы Фермы от торговли были невелики. Со времён Основателей повелось, что Животные могут есть сколько хотят (т.е. много) и работать сколько хотят (т.е. мало). Поэтому Ферма производила мало излишков, и их с трудом хватало на приличный уровень жизни для председателя Роттена и его помощников. Энергичной молодёжи —

Линде
и её
друзьям —
приходилось рассчитывать только
на подарки
м-ра Джонсона, чтобы удовлетворить свою тягу
к иноземному
товару.

На другой день м-р Джонсон рассказал мне за обедом, что его отец всегда мечтал прибрать себе земли Фермы. Ферма
могла бы
приносить хороший доход, если её модернизировать
и отказаться
от благоглупостей,
учреждённых Отцами-Основателями. Требовалось, отделить телят
от коров,
продавать больше молока, заставить Животных работать, как надо, продавать мясо
и шкуры,
короче, превратить сонное
и отсталое
Царство Зверей
в передовую
Ферму.

Но не только желание заработать двигало Джонсоном-старшим. *«На Ферме Животные не подвластны*
людям,
а это
кощунство
и богохульство,
—
говорил
он, —
и дурной
пример моим коровам

и лошадям»
. Его беспокоило,
что на многих
фермах графства среди Лошадей,
и Коров
распространялся Культ Фермы Животных. Поэтому м-р Джонсон
не считал
деньги
в своей
борьбе
за умы
и сердца
обитателей Фермы. Он напечатал
за свой
счёт
и распространил
твой, Джордж, рассказ
о революции
на Ферме.
Он помогал потравщикам
и браконьерам
делать набеги
на Ферму,
а в последние
годы он оборудовал маленькую телестанцию. Она показывала роскошную жизнь
призовых лошадей
и коров
у Джонсона
и рассказывала
о лишениях
и бедствиях
на Ферме
Животных. Любое Животное, которому удалось удрать
из-за
колючей проволоки Фермы, удостаивалось замечательного приёма
и отборного
овса
у Джонсона.

Животные Фермы плохо знали Мир Людей. Отцы-Основатели были учениками Платона и моделировали
свою Республику Животных

по греческому
идеалу Утопии: никто
из жителей
Утопии
не мог
выехать, разве
что на Олимпиаду.
А попросту,
на счету
Фермы было мало денег,
и выезжать
за её
пределы могли только «более равные животные» вроде Стинки.

Окрестные фермеры охотно прибирали к рукам бесплатных отборных Животных с Фермы,
а поэтому
многие Животные, посланные
на ярмарки
и выставки,
оставались
«на племя»
у Джонсона
или на другой
человеческой ферме. ТВ Джонсона славило счастливую жизнь
за высоким
забором Фермы, счастливую жизнь
для всех
Животных
и Людей.
Итак, забор, который построили Основатели, чтобы защитить Животных
от Людей,
стал их погибелью. Животные
не знали
Мира Людей, кроме как
по фильмам,
коротким туристским поездкам
и подаркам
издалека, они перестали верить рассказам
о наших
методах обращения
с Животными
и поверили,
что они

смогут жить, как актёры Голливуда
или нефтяные
шейхи.

Своими худшими врагами они считали правящих Свиней, а Людей — благодетелями. А поскольку
и Людям,
и Животным
свойственно верить,
что они
живут
в юдоли
слёз,
а рай
находится
в другом
месте, привилегированные Животные Фермы верили,
что они
живут
в Аду,
а Рай
находится рядом,
за забором,
и в этом
Раю —
всё наоборот,
как
в зеркале.

Своеобразным подтверждением зеркальности мира была религия. С нашей, людской стороны забора обездоленные Животные
в лабораториях
и загонах
верили

в избавление,
грядущее
с Фермы.
А на Ферме
привилегированные Скоты приняли веру
в посылки
из-за
границы. Они были
не глупее
Людей. Этот культ возник
в отдаленных
районах Новой Гвинеи
и Борнео
в годы
Второй мировой войны, среди туземцев, находивших сброшенные
с парашютом
грузы
с едой
и питьём.
Грузы предназначались английским
и американским
солдатам,
но неискушённые
местные жители верили,
что это
дар богов,
и молились
парашютам
и банкам
с тушёнкой.
Так
и Лисы
и Свиньи
Фермы,
не знавшие
о планах
м-ра Джонсона, молились
на посылки,
попадавшие
из-за
забора. Стинки был верховным Жрецом этого странного культа: его приверженцы
собирались украдкой, надевали джинсы, курили «Мальборо»
и молились
большому ящику
с яркими
этикетками.

Вечером я наткнулся на Стинки и Джонсона в лобби отеля. *«Мы пытались уговорить председателя Роттена продать нам луга, что граничат с нашими*, — говорил Джонсон Борову, — *но старик не соглашается. Поэтому нам придётся урезать поставки жевательной резинки, дорогой Стинки»*.

«Как это возмутительно! — воскликнул Стинки, — *жадный старик! Он не верит, что Ферма Животных — для Животных! Всё только для него и для его жирных дружков! Зачем нам нужны эти луга? У нас лугов предостаточно. Вот жевательной резинки нам не хватает. На будущей неделе я приеду к вам на Ранчо и мы обсудим наши планы»*.

Стинки и Джонсон ушли, а я остался в обществе друзей Линды: самки спорили, как лучше всего найти себе жениха с

Фермы
Джонсона,
а самцы
уговаривали меня продать им свои часы
или брюки.

Я не понимал, что на моих глазах творится история Фермы: так началась революция, изменившая не только Ферму, но и все отношения Животных и Людей.
Через несколько дней, когда
я включил
телевизор
в своем
номере,
я увидел,
вместо обычной программы
о Лошадях —
передовиках производства, фильм
о поездке
Стинки
на Ранчо
Джонсона. Великий Жрец удостоился воистину королевского приёма: красные ковровые дорожки, несчётные журналисты
и охрана,
торжественные речи.
Ни один
представитель Фермы
не был
так принят
за Забором.
В одночасье
Стинки стал самым знаменитым Боровом
в мире,
и даже
Животные, знавшие его много лет, увидели его
в новом
свете. Боров, которого так ценят Люди, наверное,
и впрямь
замечательное существо.

После возвращения с Ранчо Стинки был избран председателем вместо старого Роттена. Он был единственным Животным допенсионного возраста в правящей Номенклатуре. Членом Внутреннего Правления он стал, несмотря на крайнюю юность, в честь особых услуг, оказанных старому Роттену в Спецбанях.

«Отныне мы будем жить так же замечательно, как у Джонсона», — сказал Стинки в своей первой речи после прихода к власти. Он отказался от традиционного титула Председателя и стал называться просто «Боссом». На стенах появился новый лозунг: «Ферма Животных — на благо Животных, во имя единства Людей и Животных». Луга были проданы Джонсону, и моя знакомая свинка Линда и её друзья купались в импортных сластях.

До этого времени жизнь на Ферме была довольно скучной, но легкой. Каждому животному была гарантирована
кормежка —
не первого
сорта,
но сносная,
простая
и сытная.
Надобности тяжело трудиться
у них
не было.
Миновали дни Отцов-Основателей, когда животные надрывались, чтобы приблизить светлое будущее. Пайки раздавались
в соответствии
с положением.
Талоны
на корм —
местный эквивалент денег
не играли
большой роли.
Все равно
Конь
не мог
получить паёк Свиньи,
сколько бы
у него
не было
талонов.
Но с победой
Стинки этому было суждено измениться.

Лис Макс, хороший друг влиятельных Свиней и самого Стинки, получил от Джонсонов в подарок
видеомагнитофон, блестящий, японский, замечательный видеомагнитофон, позволяющий скоротать время
за фильмами
Джонсона. Друзья Макса смогли смотреть порно
и экшн

вместо скучных реалистических изображений своей скучной жизни. Вскоре Боров, выдававший талоны
на сено,
выменял видео
на несчетное
количество талонов. Свиньи смеялись над
Максом —
они могли напечатать сколько угодно талонов.
Но Макс
знал,
что делал.
На свои
бесполезные талоны он взял огромное количество сена
с помощью
Стинки
и отвез
его
к Джонсону.
Там он получил взамен сена двадцать новеньких видеомагнитофонов. Сейчас даже Лошади смогли скинуться
и собрать
все свои
резервы совершенно ненужных талонов
на приобретение
желанного видео. Макс увёз
с собой
полугодовой запас сена
на Ранчо
Джонсона
и вернулся
с подарками
для Свиней
и Лис.

Его успех произвёл огромное впечатление на Животных. Сейчас всем стало ясно, как надо жить: не пахать и не

ткать, но
продавать
видео
и

экспортировать сено. Стинки, поклонник человеческого образа жизни, лично приветствовал инициативу Макса. Тихая жизнь на Ферме пришла к концу. Лисы и Свиньи
бросились экспортировать сено
и привозить
человеческие
продукты —
японские телевизоры, французские духи
и тряпки.
Сено стало редким продуктом,
и Лошади
и Коровы
проводили
все свои
дни
в очередях
за сеном
со своими
несчастными талонами
в зубах.
Они перестали работать, потому
что очереди
отнимали
всё время,
да
и презрение
к работающим
Животным стало новой модой.

Когда сена стало мало, Лисы заметили, что можно прекрасно зарабатывать продажей сена за большее число талонов. Все
были
довольны: большая часть сена уходила
«за бугор»,
принося предметы роскоши Лисам

и Свиньям,
а остатки
приносили ещё больше власти
и талонов
Свиньям
и Лисам.
Лошади
и Коровы
довольны
не были,
но их
язык
все равно
никто
не понимал,
и они
не могли
так красноречиво выразить свою печаль, как представители правящих классов.

Стинки и его друзьям противостояла слабая оппозиция старомодных Свиней. Они считали, что Животных нужно кормить, даже за счёт видео и духов для Лис
(им было наплевать
на Лис,
этим старорежимным Свиньям). Их поддерживал эзотерический Союз
Коней —
небольшая группа интеллигентных Лошадей, которые пытались напомнить своим собратьям,
что за пределами
Фермы есть
не только
выставки,
но и бойни.
Но они
не могли
остановить Стинки: он становился сильнее
и сильнее.
Ведь

за ним
стояла финансовая мощь Джеймисона Джонсона
III и энтузиазм
Лис
и Свиней.

Вскоре Стинки представился случай отделаться от Псов. Хоть эти Звери зажирели от бездействия,
их острые зубы могли
в решающий
момент изменить течение конфликта.
На отдаленном
участке Фермы взбесился Бык
и успел
ранить несколько Коров
и Лошадей,
пока
с ним
не совладали
Псы. ТВ Джонсона сообщило,
об этом
инциденте:
«Кровожадные Псы набросились
на Быков,
Коров
и Телят
и затравили
и растерзали
десятки Животных»
. Тело мертвого Быка
не сходило
с экранов,
лучшие Лисы-поэты взывали
к возмездию
за убиенных
телят. Голова Быка была доставлена
на главную
усадьбу Фермы
и стала
объектом массового поклонения.

В творчестве Животных произошли большие перемены. Раньше они описывали трудовые подвиги Лошадей, но сейчас наступило время бороться пером и кистью за собственное дело. Енот Генри поставил пьесу «Сердце Пса»: её герой Пёс был кровожаден (грыз Котов) и требовал у Лис поделиться с ним жильём и жратвой. Спектакль имел бешеный успех у Лис и Свиней, которые и раньше недолюбливали сторонников делёжки и равенства. С тех пор, на все разговоры о неравенстве, Свиньи и Лисы отвечали говорившему: *«У тебя сердце Пса!»* — и тот смолкал.

Лис Станислав снял фильм о бесконечных очередях за сеном и о горькой судьбе простых Скотов под названием «Должна ли Корова править Фермой?». Коровы и Лошади традиционно входили в Правление Фермы, но их роль сводилась к одобрению решений Совета Свиней. Сейчас на них

возложили вину
на неурядицы
и нехватку
сена.
«Мы плохо живём потому,
что семьдесят
лет нами правят Коровы,
—
объяснил
Станислав. —
Дело
Коров —
давать молоко,
а не управлять
фермой. Фермой могут управлять только специально подготовленные Люди или,
на худой
конец, Лисы»
.

Фильм Станислава повлиял на умы Скотов, и Коровы и Лошади были выведены из Правления.
Псы были удалены оттуда ещё после истории
с бешеным
Быком,
или «страшной
резни телят», как её называли Лисы. Старый Джонсон объявил Конкурс Гласности
на лучшее
произведение, разоблачающее прошлое
и настоящее
Фермы
и утверждающее
божественное право Людей распоряжаться Животными. Среди призов были десятки
видеомагнитофонов
и импортное
сено
в элегантной
упаковке. Станки лично благословил Конкурс.
За пару
недель
все белые
и черные
пятна
в истории
Фермы были вскрыты

и описаны
подробнейшим образом.

Разоблачения следовали одно за другим: народ узнал, что Ферма продавала шкуры павших животных «за бугор», узнал об экспорте Енотов и Норок — и был возмущен. Ещё более популярными были разоблачения и
описания роскошной жизни правящих Свиней, их жратвы, свинарников, карет и домов отдыха и наслаждений. Правда, к этому времени тесная когорта друзей Стинки — Лис и Свиней — жила в сто раз лучше, чем старая Номенклатура, но глупые Скоты не видели этого. У Лис было, впрочем, готовое объяснение: они сами добились своего благосостояния в конкурентной борьбе за экспорт, а «этого может добиться всякий». Разоблачения не касались происходящего в Стране Людей: оттуда шли бесконечные картины выставок, праздников, породистых Лошадей, тучных Коров, Быков-производителей, дрессированных Псов, красивых и умных Лис

и откормленных
Свиней.

Стинки дал Животным возможность свободно покидать Ферму. Ежедневно к воротам фермы подъезжали покупатели, окрестные фермеры,
и отбирали
самых лучших Животных. Так, Ферма Животных лишилась колонии Енотов. Скупщик пушнины
из американской
компании «Манто» услыхал
о мечтах
Енотов
и открыл
бюро
по трудоустройству
Енотов
в Беверли
Хиллз. Стены бюро украшали постеры
из январского
номера «Плэйбоя» (Мисс Январь
в енотовой
шубке)
и портрет
Нэнси Рейган, где её украшал Енот
с Фермы
Животных (совсем как живой). Вдобавок скупщик нанял несколько безработных Псов,
и те
организовали Фронт Освобождения Фермы
от Енотов.
Еноты кинулись
к скупщику
пушнины
и были
переправлены специальным чартером прямо
на завод
компании.

Ферма стала унылым и жалким местом. От запасов сена остались только талоны.
Животные не работали, но
перепродавали
остатки сена друг другу. Один
и тот же

клочок сена переходил
от Скота
к Скоту,
множась
в цене,
но не в объёме.
Стинки возненавидели. Его хорошо принимал его главный деловой партнер м-р Джемисон Джонсон, он считался надежным поставщиком сена,
а его
кампания
за гласность
сделала его доктором honoris causa Саламанки
и Оксфорда.
Но на Ферме
он
не смел
показаться.

«Стинки обречён — его наверняка свергнут. Старорежимные Свиньи вернутся к власти и отберут
наши заработанные
в поте
лица миллионы
и виллы
, —
сказал Лис Макс своим
друзьям. —
Нам нужен Таф»
.

Боров Таф когда-то заведовал филиалом Фермы, но лишился поста в споре о съеденных
трюфелях. Таф был поклонником Человеческого образа жизни
и обожал
виски. Макс нашёл Тафа
в хлеву,

тоскующим над пустой бутылкой,
и предложил
ему шанс, который выпадает раз
в жизни.

Затем Макс предупредил Стинки об опасности, *«Защищайся, тебя свергнут! Призови Псов на помощь!»* — сказал он. *«О ужас! Я, доктор философии Саламанки
и Оксфорда,
должен опираться
на Псов,
как кровавый Основатель!»*
—
верещал Стинки,
но затем
согласился
на ввод
Псов.

Макс выбрал старых беззубых Псов и расставил их вокруг Дворца Зверей, официальной резиденции Стинки. Давненько Животные
не видали
Сторожевых Псов посреди главной усадьбы,
и этот
вид их
не обрадовал.
Тут явился Боров Таф
со своими
отборными Лисами.
*«Рвите меня, грызите, если
посмеете, —
воскликнул
он, —
но вы
не сможете
остановить стремление Животных
к Человеческому
образу жизни»*
. Эти благородные слова немедленно были подхвачены
и переданы

повсеместно Телевидением Джонсона
и вызвали
немало прочувствованных слёз
и аплодисментов
среди зрителей.

«Долой Псов и Правящих Свиней!» — воскликнул мужественный Таф. Лисы бросились ко дворцу, а старые Псы не могли понять, что от них
требуется. Стинки попытался утверждать,
что Псы
держали его
в заключении
во дворце,
но это
не произвело
впечатления
на боевиков
Тафа: он был
с позором
изгнан. Лошади
и Коровы
терпеть
не могли
Стинки
и не заступились
за него.
День Великой Победы над Псами был провозглашен всеобщим праздником,
а на главной
площади Фермы воздвигли статую Тафа, душащего огромную Собаку Баскервиллей.

«Правление Свиней окончилось», — провозгласил Боров Таф. Свиньи — сторонники Тафа были переименованы
в Хряков
и Хрюшек,
а Дворец
Зверей —
в Белый
Дом. Лисы ликовали. Остатки сена увезли
к Джонсону,
а оттуда
привезли много отменного виски

для Тафа.
Сена больше
не было.
Но м
-р Джонсон
не забыл
старых друзей: товары продолжали поступать,
и даже
немного сена было привезено обратно
на Ферму.
Культ Карго стал официальной религией,
а верховным
жрецом
и распределителем
Человеческих даров стал Макс.

Всё больше и больше лугов и полян переходило от Фермы к хозяину Ранчо и к другим фермерам
округи —
в уплату
за Безвозмездную
Помощь. Торговля была объявлена главным делом
и освобождена
от налогов.
Любое другое занятие облагалось
по полной
программе. Таф снёс Забор вокруг Фермы
и предоставил
Животным возможность свободно ехать куда угодно. Голодные Кони
и Коровы
попытались воспользоваться новой свободой
и попастись
на полях
м-ра Джонсона. Они быстро были задержаны
за потраву,
а м
-р Джонсон соорудил высокий Забор вокруг Фермы,
на этот
раз —
со своей
стороны. Только Лисы
и Хряки
-экспортеры могли выезжать
за новый

Забор.

Что они экспортировали? На Ферме не оставалось ни сена, ни молока, но экспорт шёл, а Таф
и его
дружки толстели изо дня
в день.
Однажды, гуляя
по берегу
реки,
я увидел
большие черные фуры
с надписью
на борту —
«Мясник Смит
и К
0
». Макс, король экспортеров, лично следил
за погрузкой
довольно тощих Коров. Он лучезарно улыбнулся мне.

«Мы нашли новый замечательный экспортный товар, — сказал он, — *глупо быть
единственной Фермой
в мире,
не конкурирующей
на рынках
говядины. Сейчас,
с новообретённой
свободой торговли,
без старых
барьеров мы, наконец,
на пути
к процветанию.
Меньше
Коров —
меньше голодных ртов!»*

Я не был единственным свидетелем этой сцены. Несколько Коней наблюдали за погрузкой и разнесли весть по Ферме. Вскоре на главной площади собралась большая толпа: Лошади и Коровы, Свиньи, не ставшие Хряками, интеллектуалы из Союза Коней и Лисы, разочаровавшиеся в «Человеческом образе жизни». *«Ферма Животных — для Животных»*, — скандировали они. — *«Не хотим на бойню!»*

Ворота Белого Дома распахнулись, и оттуда выступила свора полицейских Догов. Животные свистели и мычали: со времени Великой победы Тафа над Псами они не боялись Собак. Это было ошибкой: не старые беззубые твари, но сильные и злобные Звери бросились на толпу.

Таф победил, но недовольство росло. Даже моя старая знакомая Линда усомнилась в правильности выбора, когда её друзья исчезли в чёрных фурах, а ей самой пришлось стоять в очереди за Безвозмездной Помощью. Но Макс нашёл выход: он поехал к старому Джеймисону Джонсону III и вернулся с договором:

«Отныне Ферма Животных переходит в собственность м-ра Джонсона. Она будет именоваться «Новая Ферма». М-р Джонсон обеспечит Животных кормом и распорядится их судьбой. М-р Таф назначается управляющим Фермы»
.

Договор был подписан, и бурная история Фермы Животных подошла к концу. Новые Человеческие хозяева послали многих Животных на бойню: работать они не умели, а торговцев сеном Ферме не требовалось. Другие Животные были переведены на Центральную Усадьбу Ранчо и удостоились завидной участи племенных производителей. Отборные Псы были брошены на подавление восстаний Животных в разных местах графства. М-р Джонсон сделал ферму продуктивной: он закрыл дальние филиалы и пустил грамотных Свиней на отбивные. Компания «Манто» скупила Лис оптом, а Телевидение Джонсона закрылось за ненадобностью.

Моим исследованиям пришёл конец, и я покинул злосчастную Ферму. В аэропорту я встретил

Лиса Макса
и Борова
Тафа: они уезжали
во Флориду.